

“нам не требуется никаких подтанцовок”

Побывав и телеведущим, и актером, в первую очередь вы, наверное, считаете себя рок-музыкантом. Как лично вы можете определить — рок-музыкант — это кто? Это люди, занимающиеся таким сугубо личностным творчеством. Нам не требуется никаких подтанцовок, никаких огоньков мигающих — выходят люди с «балалайками», встают на край сцены, начинают общаться с людьми — с теми, кому это надо, людьми, которые пришли, чтобы получить какие-то эмоции. Эти эмоции могут быть очень личностными, потому что музыка и содержание песен, как правило, дают возможность что-то представить, что-то заменяют собой — это как на юге, помните? — веселье картинки с дыркой для головы. Всегда у людей, которые слушают такую музыку, есть возможность как-то вставить туда свою голову. Видимо, это близко. Но с другой стороны, такой музыки не должно быть много. Много в каком смысле — из нее нельзя делать официальную эстраду.

Кто выбрал — вы музыку или музыка вас сама нашла?

С ранней юности я общался с художниками, музыкантами, которые были гораздо старше меня. Я попал в группу «Тайное голосование», когда мне было восемнадцать лет, а остальным музыкантам было по 32—33 года, и это были взрослые дяди. Они меня многому научили, и это не случайно. Потом я просто писал песни и всегда еще чем-то занимался — работал, учился, получил образование экономиста, в общем что-то делал. Вскоре я понял, что надо уезжать из Питера куда-то. Я понял это, когда похоронил очередного друга с простреленной головой. Питер начала девяностых — это были жуткие времена. У меня был друг Слава Панов — его тоже убили. Как-то я прошелся по кладбищу и увидел огромное количество обелисков с надписями «Н.М.» и «Н.Ж.». Выяснилось, что это «Неизвестный мужчина» и «Неизвестная женщина». И в тот момент я понял, что нужно уезжать из этого города. Не потому, что я умереть боюсь, а потому, что дышать там было невозможно. Много мест, куда можно уехать, я бы с удовольствием уехал в Прибалтику, но к тому времени уже границы появились. И я уехал в Москву. Познакомился здесь с хорошими людьми, которые стали потом моими друзьями. Это Женя Каценельсон и группа «Кошки Нельсона», Дима Нестеров и группа «Свинцовый туман», Дима Таровков и группа «Экзе», все это называлось «2000% Живой Энергии». Дальше возникла история с песней «Город», которая попала в сборник «У1». Мы ее отдали в полуразобранном состоянии, с большим количеством технического брака, потому что это делалось левой ногой. Но после выхода диска я понял, что попал. Это был конец 1998-го. Времена были не менее суровые, чем сейчас, но по другим причинам. У меня были какие-то свои планы, я занимался совершенно иными вещами, собирался с музыкой завязать. И вдруг все завертелось — песня «Город», альбом «Флора и фауна», контракт с «Реал Рекордс». Это все произошло само собой. Другое дело, что я все-таки эти песни написал, я их отдал. Но сделал это по странному стечению обстоятельств. Я что-то для этого делал, но не специально.

Слава, другой этап вашей артистической карьеры завершен, «Нотр-Дам» отыгран. Какие мысли и чувства вы испытываете? Эмоции самые хорошие. Хорошо то, что хорошо заканчивается. Я не думаю, что музыкально-драматическое представление должно умирать со своим последним зрителем. Надо иметь силы и отдавать себе отчет в своих поступках, потому что это довольно серьезно, когда спектакль надо играть и играть, и люди будут ходить и ходить. И надо зарабатывать деньги, потому что они вложены, а потом возвращаются. Все идет вперед — готовится еще один мюзикл. Но Театр оперетты — репертуарный театр, и он не может нести на себе больше одного мюзикла, ведь надо играть свой репертуар. Ходит зритель, театр всегда заполнен, что в свое время меня немножко удивило, потому что я считал, что жанр оперетты давно умер. Мюзикл — это новая форма оперетты, более современная форма, с новыми технологиями и возможностями. Скажем так — это театр для благополучных людей, желающих поддерживать свое благополучие в духовном смысле.

Как вы чувствовали зрителя, находясь на театральной сцене, незнакомой раньше?

Зрителей я ощущал как людей, готовых к общению. Это те люди, которые приходят поделить с тобой тем, чем они могут поделиться, — своими эмоциями, своей благодарностью за то, что они увидели. И ты уходишь со спектакля с пониманием того, что ты это делаешь для людей, которые перед тобой.

Что вам дало в профессиональном и человеческом смысле участие в театральном деле?

Во-первых, я понял, что могу делать какие-то рывки. Мало сказать, что я не был готов ко всему этому, — я был полностью уверен, что у меня ничего не получится. Сначала я обещал попробовать — мне самому это было интересно. Продюсеры и режиссер Уэйн Фоукс считали, что я подхожу для этой роли. А я не понимал, с какого перепугу. Полгода продюсеры возвращались к этой теме, я летал к Фоуксу в Рим, смотрел, как он репетирует с итальянцами. Я знал, что у меня не получится, но согласился за два с половиной месяца до премьеры, когда люди уже репетировали, знали текст и все мизансцены, варились в этом, а я одновременно все стал делать. Я трезво и критически оценивал свои силы и возможности. Но в итоге получилось, за что благодарен многим людям — и Уэйну Фоуксу, и Наталье Трихлеб, которая занималась с нами вокалом, появившись за две недели до премьеры, когда ни один из Квазимод не мог ничего спеть, потому что мы все были охрипшие и осипшие, не могли ни петь, ни шевелиться. Она нам всем — мне, и Валере Еременко, и Тимуре Ведерникову — объяснила, как надо петь, потому что вокал здесь должен быть вокалом. В своем привычном творчестве я не ставлю задачу показать высоту звуков — мне это совершенно не надо, — я просто делаю какими-то эмоциями. В данном случае надо петь, и петь ноты, написанные иностранным композитором, а иностранные

Вячеслав Петкун — Газете

Одним из самых ярких участников завершившегося фестиваля «Нашествие» стала группа «Танцы Минус». С ее лидером, одним из самых известных отечественных рок-музыкантов Вячеславом Петкуном, специально для Газеты побеседовала Светлана Лепешкова.

Вячеслав Петкун: «Я просто писал песни и всегда еще чем-то занимался — работал, учился, получил образование экономиста» Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

композиторы — еще те. Было сложно. И была еще проблема с текстами, потому что я никогда в своей жизни не учил такое количество текста. Мой организм всегда препятствовал тому, чтобы держать в голове большое количество стихотворных форм, не знаю почему — может, потому, что я сам пытаюсь писать. Я отношусь к этому не то чтобы поверхностно, но лениво, позволяю себе лениться. Если я чувствую, что мой организм устал и требует перерыва, то я даю себе такую возможность. В условиях «Нотр-Дама» такой возможности не было.

Вам свойственно ставить цели, может быть, даже на первый взгляд абсурдные, и добиваться их?

Да, так было у меня с телевидением в программе «Черное-белое». Сначала было интересно, а потом я понял, что это за болото. Хотя я с уважением отношусь ко всем людям, которые делали эту программу. Я имею в виду сами принципы, которые есть на телевидении. Это свой мир, свои задачи.

Но вы прекрасно справлялись со своей задачей вести программу.

Я не видел до конца ни одной своей программы — минут 10 посмотрю, и мне становится не по себе: я понимаю, что делаю не то, что мне хотелось. С телевидением мы, конечно, не дожали, но свои обязательства выполнили — мы сняли 40 программ, которые обещали, и они прошли. Сейчас они идут в повторе на территории Украины и Америки. Меня поразило, что наши бывшие соотечественники удивляются, что у нас можно сейчас так свободно и раскованно общаться. Но это не так. Для них это новость, но у нас-то как раз этой свободы в стране уже нет.

Вы экономист по образованию. Это как-то помогает?

Все, что я делаю профессионально, я делаю исходя из той практики, которую в своей жизни получил. Я прошел некий путь, который меня чему-то научил, и этим пользуюсь, как всякий нормальный человек.

газета

плюс на минус

Вячеслав Петкун — один из самых харизматичных отечественных рок-музыкантов, романтический герой, чей глубокий голос и мрачные мелодии неизменно привлекают толпы поклонников к творчеству группы «Танцы Минус», которую Петкун возглавляет (как основной автор и вокалист). Петкун занимался рок-музыкой до 1992 года, после чего в его музыкальной карьере произошел перерыв на несколько лет — коллектив под названием «Танцы Минус» появился в Москве в 1996 году и после нескольких выступлений в ночных клубах стал популярен среди столичной молодежи. Вячеслав Петкун также пробовал себя в качестве телеведущего и звезды мюзикла «Нотр-Дам» (роль горбуна Квазимодо).

Можете ли вы назвать себя командным человеком?

Да. Я вообще спортсмен. Очень люблю футбол.

Какими видами спорта вы занимались?

Многими. У нас в школе были очень хорошие учителя физкультуры. Учитель Николай Павлович однажды преподавал нам хороший урок. Я и еще несколько ребят не хотели бежать по снегу — зимой — 5 км на лыжах. Тогда весной учитель нас поставил на лыжи, и мы эти 5 км шли вокруг гаражей по песку и камням. Я считаю, что это очень полезно, хотя тогда мне это не нравилось. А сейчас я благодарен учителю за это, когда он и другие учителя применяли к нам подобные меры, потому что это делалось для нас же самих. Кстати, следующей зимой я так хорошо все пробежал, что поехал даже на какие-то соревнования от школы.

Слава, какие книги вы читаете, каких авторов предпочитаете?

Мне нравится развлекательная литература. Я очень люблю Аверченко. Думаю, что чем больше мы будем читать таких авторов, тем лучше. Люблю Довлатова. Конечно же — Ильфа и Петрова, и тем, кто видел только фильмы, советую почитать книгу. Я очень советую всем читать Булгакова. Может, я себя веду как учитель средней школы, но я действительно считаю, что такую литературу читать надо. Взять того же Сорокина, например. Это тихий ужас! А есть такой писатель, как Юз Алешковский, читать которого — одно удовольствие и которого нельзя упрекнуть даже за мат, который там присутствует, потому что это сделано настолько литературно, аккуратно и правильно, что ты не сомневаешься, настолько это искренне. Мне нравятся искренние люди.

А вы искренний человек?

Думаю, что да. Правда, когда я вел «Черное-белое», иногда приходилось быть неискренним. Вот ты выходишь перед камерой, и у тебя не пойми какая тема, потому что не все 40 тем я придумывал сам, — там были редакторы, с которыми мы это обсуждали. Были вещи, которые проходили, но было и что-то такое, что невозможно было позволить. Сидят люди, ты пригласил гостей, потом гости ушли, а ты им след гадости — это неправильно. Но тем не менее я себя чувствовал неискренним, упрекал себя, мучился. И, может быть, поэтому сейчас нет этой программы. Я понял, что на телевидении работать больше не буду.

Как вы отвлекаетесь от работы, что вам еще интересно?

Я не считаю себя скучным человеком. У меня много друзей, я люблю общаться, у меня есть о чем поговорить с друзьями — все слушают хорошую музыку, много читают, смотрят интересное кино. То время, которое появляется, безусловно, нужно тратить на то, чтобы как-то самосовершенствоваться. Хотя, с другой стороны, самосовершенствование для простого человека звучит как что-то очень скучное и неинтересное. Потому что для маленького мальчика гораздо интереснее пойти пострелять по бутылкам из рогатки: это для него интереснее, чем сидеть и читать книгу. Но для того чтобы он прочитал книгу, его нужно в этом убедить, заинтересовать. А учителя у нас в школах, конечно, люди чалые энергетически, потому что у них те же самые проблемы, что и у других людей. Плюс эти дети, которые трудно контролируются. Учителя — это простые люди, получающие копейки за свой адский труд. Адский потому, что это колоссальная ответственность за этих детей, плюс еще то, что ты постоянно должен переступать через себя и свои проблемы, которые дети видеть не должны. Мне учителей очень жалко, их труд не защищен. В конце концов они своими мозгами делятся с нашим будущим.

Слава, а как отражается на творчестве то, что вы переживаете в личной жизни?

Творчество — это вообще вещь непредсказуемая. Я не профессиональный композитор, не профессиональный поэт, хотя слышал, что где-то у нас этому учат, что странно звучит — дипломированный поэт. Творчество — непостижимая вещь. Можно за неделю написать несколько песен, а до этого не писать полгода, главное, что и желания нет. Я пишу тогда, когда есть желание, когда из меня лезет что-то такое, и ты не совсем понимаешь, что происходит.

Вы живете в мире реальном или придуманном?

Стараюсь жить в мире реальном. Я ничего себе не придумываю. Когда у человека появляются деньги, он думает, на что их потратить: на квартиру, на машину... У меня нет никакого мира образов. У меня абсолютно реальная жизнь, со всеми реальными проблемами, которые есть у каждого, кто живет в нашей стране. У нас очень жесткая страна. И независимо от социального статуса все люди сталкиваются с одними и теми же проблемами. Страна жесткая, и, к сожалению, это будет продолжаться.